

ΔΔ 23

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ОРГАН

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ
И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

№ 3 (25)

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО
ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.

МОСКВА — 1934

К ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ ВТОРОГО С'ЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ТУРКЕСТАНА

І. Положение Туркеспублики перед II с'ездом КП(б) Т

Октябрьская революция в Средней Азии — неотделимая составная часть общероссийского Октября. Но в разворачивании революции, ее ходе, перерастании буржуазно-демократической национально-освободительной революции в социалистическую и в этапах и темпах социалистического строительства в Туркестане имеется целый ряд особенных, своеобразных черт, вытекающих из колониального положения края до Октября. Завоеванный царизмом в 60—80 годах XIX столетия, Туркестан был колонией российского военно-феодалного империализма, базой получения для метрополии дешевого сырья, хлопковой колонией, рынком сбыта товаров российских промышленников и районом колонизации края в интересах крепостника-помещика российским крестьянством. Основная линия эксплуатации широких декханских масс края шла по линии хлопководческого хозяйства. Для получения высоких прибылей российские капиталисты, опираясь на туземные господствующие классы, консервировали здесь старые феодально-крепостнические методы эксплуатации декханства, двойной кабалой и гнетом выжимая из забитого, задавленного и отсталого декханства все соки и этим всемерно разоряя основные массы декханства.

Промышленное развитие края российским капитализмом также задерживалось. В силу этого формирование промышленного пролетариата из местного населения шло весьма медленным путем. И к тому же этот процесс царским правительством искусственно задерживался. Имевшаяся к октябрю 1917 г. 15—20-тысячная армия рабочих из местных национальностей состояла из неквалифицированных категорий, чернорабочих и сезонников. Квалифицированными рабочими кадрами в крае являлись только российские, в основном русские рабочие.

Все нарастающий, двойной непосильный гнет над декханскими массами, обостренный империалистической войной вызывает в 1916 г.

в Туркестане широкое декханское восстание как против колонизаторов, так и собственных господствующих классов. Жестоко подавленное царским правительством, это восстание показало, что в туркестанском кишлаке и ауле создались такие противоречия, которые неизбежно ведут к революции, что иного пути для их разрешения нет.

Февральская революция, застрельщиками которой в крае явились российские рабочие Туркестана, национально-колониального вопроса ни в какой степени не разрешила: пришедшее к власти временное правительство, империалистическое по своей сущности, продолжало старую колониальную политику царизма. Национально-колониальный вопрос могла разрешить и разрешила полностью до конца только Октябрьская пролетарская революция, возглавляемая ленинской партией. Девятимесячный период между Февралем и Октябрем — это период, когда широкие декханские массы, в первую очередь их бедняцкая часть, все более высвобождались из-под влияния своих эксплуататорских классов и начинали все теснее смыкаться с застрельщиком революции — российским пролетариатом. Октябрьская пролетарская революция в крае, происшедшая почти одновременно с Октябрем в центральной России, сравнительно легко и быстро здесь победила, не только благодаря героизму передового российского пролетариата и его отряда в Туркестане, но и потому, что широкие декханские массы, прошедшие опыт восстания 1916 г., не пошли за своими господствующими классами, не пошли за контрреволюционным кокандским „автономным“ правительством, оказались на стороне возглавляемого компартией пролетариата.

Победа Октября в крае была обеспечена не только теми еще сравнительно небольшими группами коренных рабочих и бедняков, которые совместно с российским рабочим и солдатом активно принимали участие с оружием в руках в дни Октября, но и тем сочувствием пролетарской борьбе декханских масс, благодаря которому местная контрреволюция, взявшая ставку на то, чтобы поднять массы против Октября, была изолирована и потерпела крах.

Но в силу того, что Туркестану с первых дней Октября пришлось вступить в ожесточенную гражданскую войну с внутренней и внешней контрреволюцией, отвлекшей наиболее сознательные лучшие пролетарские кадры края, в силу незначительности в крае пролетариата, в силу еще большой отсталости и забитости коренных трудящихся масс и еще значительного влияния на них мулл и ишанов, наконец, в силу того, что в крае имелась значительная прослойка мелкой колонизаторской буржуазии, особенно русского кулацкого крестьянства, — в силу всех этих обстоятельств, завершение здесь задач буржуазно-демократической революции силами происшедшей пролетарской революции зтянулось на более длительный, чем в центральной России, период. А на путях укрепления прочного союза пролетариата с декханской беднотой и привлечения на свою сторону середняка-декханина встал ряд препятствий

и затруднений, сильно осложнивших дальнейший ход Октябрьской революции.

Вооруженный захват власти советами в центре колониального Туркестана — Ташкенте произошел, как мы уже говорили, почти одновременно с Октябрьским восстанием в Петрограде. После трехдневной героической борьбы рабочих и солдат Ташкента, встретивших поддержку и сочувствие полупролетарских и бедняцких масс коренных национальностей, 1 ноября власть в Ташкенте перешла в руки советов. Вскоре затем, в середине ноября, на III краевом съезде советов была сконструирована краевая советская власть — создан Совнарком. В течение второй половины ноября и декабря на областных и уездных съездах советов были созданы областные и уездные советские органы власти. Несколько позднее — в начале февраля 1918 г. — советская власть распространилась в Семиречье.

Что же касается Хивинского и Бухарского ханств, то здесь советский Туркестан почти с первых дней своего существования оказался отрезанным от остальной Советской России, оказался окруженным кольцом фронтов и должен был вступить в борьбу с наседающими со всех сторон белогвардейцами, с контрреволюцией. Начинается борьба с Дутовым, захватившим Оренбург, разворачивается борьба с семиреченской казацкой контрреволюцией. В июне 1918 г. происходит при поддержке английского империализма эсеровское восстание в Закаспии, положившее начало закаспийскому фронту. Разогнанная в феврале 1918 г. кокандская контрреволюция вливается в начавшееся в Ферганской области басмаческое движение. И во второй половине 1918 г. положение Советского Туркестана становится весьма тяжелым и сложным, так же, как тяжелым в этот период было положение всей Советской России, вступившей в острый период гражданской войны. Победенная в Октябре внутренняя контрреволюция, поддержанная международной империалистической буржуазией, совместно с ней, начала широкое наступление на Страну советов и извне, и изнутри. Международный империализм выступил активной, руководящей силой всей контрреволюции. Советская Россия оказалась в кольце фронтов. Империалисты Антанты подготовили чехо-словацкое восстание, захватили Сибирь, Дальний Восток, Архангельск, Баку, Закаспий. Под крылышком империалистов в отрезанных от России территориях воцарились белые правительства во главе с Дутовым, Колчаком, Красновым, Деникиным, Чайковским в Архангельске и Фунтиковым в Закаспии.

В своем докладе на VI Всероссийском чрезвычайном съезде советов в ноябре 1918 г. т. Ленин говорил: „Что же касается нас, то мы должны сказать, что положение более опасное, чем когда бы то ни было, что нужно еще и еще раз напрячь свои силы“. „Мы знаем, что опасность велика, может быть нам судьба готовит еще более тяжелые жертвы“ (Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 241).

Окружение Советского Туркестана кольцом белогвардейских фронтов являлось составной частью плана империалистов окружить и задавить Советскую Россию, отторгая от нее наиболее лакомые (бакинская нефть, туркестанский хлопок) и вместе с тем наиболее уязвимые участки.

Отрезав Туркестан от Советской России и этим лишив его возможности завоза хлеба, промышленных товаров, нефти, угля, обострив хлопковый кризис, международные империалисты рассчитывали легко и быстро овладеть им и превратить в свою колонию: Дутов на оренбургском фронте, Анненков в Семиречьи, англичане в Закаспии, активизируемое англичанами басмачество в Фергане, концентрация сил местной и российской контрреволюции в Бухарском и Хивинском ханствах — вот та контрреволюция, которая угрожала существованию Советского Туркестана во второй половине 1918 г.

Все более тяжелым в этот период становилось и экономическое положение края. Не надо забывать, что российский военно-феодальный империализм превратил свою туркестанскую колонию в сырьевой, хлопковый придаток метрополии, своей колониальной политикой задерживая промышленное развитие края. Вот почему отрыв Туркестана от Советской России особенно тяжело ударил по краю. Хлопковая промышленность в 1918 г. находилась в катастрофическом состоянии. Хлопок обесценился. Сбыта его не было. Посевы хлопка катастрофически сокращались:

Было засеяно хлопком в 1917 г.	—	425 849 дес.
” ” ” ” 1918 ”	—	110 100 ”

За один год сокращение в 4 раза. А сокращение посевов хлопка и почти полная остановка хлопкообрабатывающих промышленных предприятий (хлопкоочистительных, маслодельных и других заводов) создали в хлопковых районах, особенно в хлопковой жемчужине — Фергане, — громадное количество безработной коренной бедноты в старых городах, кишлаках и аулах. Начавшийся в крае голод (завоза в край хлеба из России не было) особенно сильно сказывался на этой выброшенной из производства бедноте, декханстве. Критическое положение переживал и нерв края — железнодорожный транспорт, значение которого при многочисленных фронтах и громадной площади края было особенно велико. Не хватало паровозов, вагонов, не было угля и нефти. Паровозы приходилось топить не только саксаулом, но и рыбой, и хлопковым маслом.

В Туркестане не было почти никакой военной промышленности. Существовавшие разного рода мелкие мастерские приходилось приспособлять кустарно к запросам и нуждам армии. Имевшиеся старые запасы мануфактуры приходилось также расходовать только на армию.

Вот как т. Солькин — председатель Туркестанского краевого парткомитета — характеризовал экономическое состояние края на

II краевом партс'езде: „Положение оторванной от центра, окруженной со всех сторон врагами (республики—А.), чем дальше, тем больше сгущает атмосферу. Своих собственных запасов становится все меньше и меньше. Производительная деятельность, довольно слабая и раньше, в настоящее время из-за недостатка технических средств и отсутствия трудовой дисциплины стоит очень низко. Транспорт расстроен из-за катастрофического положения с топливом. Необходимо обратить также внимание на чисто туркестанское явление: страшно развившийся голод среди беднейшего мусульманского населения, кочевого и оседлого“.

Как и в центральной России, используя гражданскую войну и разруху, контрреволюция усилила свою деятельность внутри страны, в условиях сложных национальных взаимоотношений, организуясь сама и оказывая воздействие на неустойчивую, колеблющуюся часть деханства и отчасти даже менее сознательную часть рабочего класса. Так, например, на происходившем в Ташкенте в июне 1918 г. краевом с'езде профсоюзов под контрреволюционным влиянием меньшевиков и эсеров, использующих настроения отсталой части рабочих (лучшая, сознательная часть рабочих в основной своей массе была на фронте, в рядах Красной гвардии и армии) и служащих, была предложена провокационная резолюция о посылке к Дутову мирной делегации. Эту резолюцию, поддержанную значительной частью с'езда, удалось отклонить после развернувшейся на с'езде длительной борьбы. Политику разложения вели и левые эсеры, переходя от шатания и колебания к прямым ультиматумам соввласти и партии большевиков и прямой и открытой их дискредитации перед массами. Например, потерпев поражение на VI с'езде советов края в октябре 1918 г., левые эсеры совместно с правыми эсерами и меньшевиками развернули в Ташкенте и по краю кампанию дискредитирования с'езда, признавая его неправомочным, выборов правительства незаконными.

Кульминационного пункта антисоветская деятельность этой партии достигла в январское ташкентское белогвардейское восстание (январь 1919 г.), в котором часть левоэсеровских руководителей сыграла предательскую и провокационную роль. Но в результате героической борьбы ташкентских рабочих, не поддавшихся на левоэсеровскую провокацию, а под руководством большевиков быстро подавивших восстание, партия левых эсеров вскоре была выброшена в мусорный ящик истории.

Активизация сил внутренней контрреволюции во второй половине 1918 г. происходит под руководством английских агентов в Кашгарии, Персии, Афганистане, Сибири, Закаспии и Бухаре. В Ташкенте и шпионскую роль, и роль организационного центра контрреволюции вела английская миссия, под руководством которой была создана организация Тишковского, Агапова и Осипова, руководившая январским белогвардейским восстанием. Английский империализм рассчитывал повторить в Ташкенте закаспийскую авантюру. Контрреволюционные тайные организации

были и в других городах Туркестана. Все они преследовали одну цель — взорвать советскую власть изнутри.

Наряду с этим нужно отметить, что в этот тяжелый для революции период имели место, как и в остальной России, колебания, неустойчивость как у части русского крестьянского середняка, так и среди части бедняцких и середняцких декханских масс. Это сказалось в первую очередь в кулацком Семиречье, а затем в Фергане, где часть русского переселенческого середняцкого крестьянства колебнулась в сторону контрреволюции. Басмаческие вожди в Фергане, пользуясь тяжелым экономическим положением декханства (голод, безработица в связи с сокращением посевов хлопка и закрытием хлопкообрабатывающих предприятий), отсталостью и забитостью масс и все еще сильным подчинением их муллам и ишанам, вовлекли в свое движение часть не только середняцкого, но и бедняцкого декханства. Но здесь же необходимо отметить, что основные середняцко-бедняцкие декханские массы остались на стороне советской власти. Причем наиболее сознательная их часть начинала активно, с оружием в руках вести борьбу в рядах Красной армии и на внешних фронтах, и против басмаческого движения. И несмотря на то, что укреплению союза рабочего класса с декханством мешали (особенно в Семиречье) еще в сильной мере сохранившиеся остатки великорусского колонизаторства, культивируемого и поддерживаемого побежденными Октябрем осколками российской буржуазии, царского чиновничества и кулачеством, этот союз рабочего класса с декханскими массами бывшей колонии в огне обостренной гражданской борьбы укреплялся и расширялся. Без этого условия успешная борьба и победа на всех фронтах в Туркестане силами только сравнительно немногочисленных кадров российского пролетариата и примкнувшего к нему пролетариата местных национальностей была бы обречена на неудачу.

Подводя итоги в области национального вопроса, тов. Сталин на XII съезде партии говорил: „Не забудьте, товарищи, что если мы с развернутыми знаменами шли против Керенского и свалили временное правительство, то между прочим потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения. Не забудьте о таких резервах, как угнетенные народы, которые молчат, но своим молчанием дают и решают многое. Часто это не чувствуется, но они, эти народы, живут, они есть и о них нельзя забывать. Не забудьте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых „инородцев“, не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все, — если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов“.

II. Партийные организации Туркестана перед II с'ездом КП(б) Т

Коммунистические организации Туркестана возникли, росли, крепились и развивались на всех своих этапах как составная часть ВКП(б) под руководством последней. И поэтому при изучении истории коммунистических организаций Туркестана необходимо исходить из тех же основных этапов, из которых мы исходим при изучении истории ВКП(б). Но наряду с этим история КП(б)Т имеет в своем развитии целый ряд особенностей, объясняемых своеобразием условий Туркестана как колонии. Исходя из этого учета особенностей, историю парторганизаций Туркестана можно разделить на три крупных периода.

„Первый охватывает собой 1905—1917 гг., годы борьбы пролетариата и угнетенных народов Туркестана за свержение гнета российского империализма и за диктатуру пролетариата, годы образования в Средней Азии первых большевистских групп и их организационного укрепления, оформления и сплочения в единую организацию — составную часть ленинской партии.

Второй период охватывает собой годы 1918—1923, годы борьбы на фронтах гражданской войны против соединенных сил русской и международной контрреволюции, годы образования, развития и укрепления коммунистической партии большевиков Туркестана, представлявшей передовую и организованный отряд рабочих масс всех национальностей края. И, наконец, третий период, начиная с 1924 г. и по настоящий период, — период победоносного социалистического строительства республик Средней Азии, годы образования, развития и укрепления молодых национальных коммунистических партий, идущих от побед к победам под руководством ленинского Центрального комитета и его Среднеазиатского бюро“ (Ломакин, „Первый с'езд большевиков Средней Азии“, „Партработник“ № 78, июль—август 1933 г.).

Первые социал-демократические группы и кружки начали организовываться в ряде наиболее крупных городов и железнодорожных центров края в период 1903—1904 гг. С первых же месяцев революции 1905 г., внутри этих быстро возросших социал-демократических групп и кружков происходит размежевание на большевиков и меньшевиков. Здесь в этот период работал ряд крепких большевиков, как, например, Морозов и Быховский в Ташкенте. Большевики становятся во главе революционных масс в ряде организаций и ведут упорную борьбу с меньшевиками и эсерами. Особенно большое влияние большевики завоевывают в воинских частях, где в 1905—1907 гг. под руководством большевиков произошел целый ряд вооруженных восстаний. Спад революционной волны и победа реакции явились периодом разгрома почти всех существующих большевистских организаций. Царизм, особенно ревностно охранявший край от „крамолы“, жестоко обрушился на парторганизации, которые к 1908 г. потеряли полный раз-

грам. С этого периода и вплоть до февраля 1917 г. на территории Средней Азии существовало только несколько узких строго законспирированных групп, часть коих также подверглась разгрому. Широко развернувшееся в 1916 г. национально-освободительное восстание декханских масс против российского военно-феодалного империализма, вылившееся в борьбу не только против „чужих“, но и „своих“ эксплуататоров, проходило поэтому без участия и руководства местных туркестанских большевистских организаций.

В силу, главным образом, того, что в годы реакции и империалистической войны весь руководящий состав большевистских организаций находился в ссылке, в тюрьмах и т. д., в силу того, что на территории Туркестана к 1917 г. не оказалось ни одной крупной большевистской организации, прошедшей суровую школу десятилетия 1907—1916 гг., наконец, в силу незначительности пролетарских кадров в крае, их разбросанности на огромных среднеазиатских пространствах и отдаленности от пролетарских центров России, вызванные размахом февральской революционной волны многочисленные партийные организации края возникают и восстанавливаются в большинстве случаев как организации объединенные — большевиков и меньшевиков, причем в большинстве из них в первые месяцы революции господствует меньшевистское течение. Решение Всероссийской апрельской конференции РСДРП(б), напоминающее о недопустимости пребывания большевиков в единой парторганизации с меньшевиками, здесь проводилось в жизнь весьма медленно. Правда, под влиянием этого решения в июне — августе в некоторых городах (Фергана, Закаспий) возникают совершенно самостоятельные большевистские организации. Но в большинстве организаций в августе — сентябре создаются пока только большевистские фракции, в период сентября — октября (особенно в связи с корниловским выступлением в центре и сентябрьскими событиями в Ташкенте) в наиболее крупных рабочих центрах края вступившие в непримиримую обостренную борьбу с меньшевиками и эсерами и фактически превратившиеся в самостоятельные большевистские парторганизации. А окончательное формальное отделение этих фракций от меньшевиков произошло в ноябре — декабре 1917 г. Наиболее мощной сначала фракцией, а потом и самостоятельной большевистской организацией в крае была ташкентская, подготовившая и возглавившая революционный подъем рабочих и солдатских масс в Ташкенте 12 сентября 1917 г., выразившийся в первой попытке захвата власти Ташсоветом. Но еще не изжитые до конца иллюзии среди значительной части рабочих и солдатских масс, особенно по краю, слабости большевистской группы, еще не сумевшей подготовиться к вооруженному захвату власти, предательская роль меньшевиков и правых эсеров, колебания среди левозсеровской группы и, наконец, помощь, оказанная еще стоящим в центре у власти центральным временным правительством (посылка Керенским в Ташкент карательной экспедиции Коровни-

ченко), — все это повело к тому, что ташкентским большевикам пришлось отступить.

Но сентябрьские события явились крупным уроком как для масс, так и для ташкентских большевиков. Массы начали теснее сплачиваться вокруг большевистской группы, которая излечилась от допущенных ею в сентябрьские дни ошибок. Конец сентября и октябрь — это период подготовки большевистской организацией Ташкента масс к вооруженному захвату власти советами. Многочисленные резолюции, выносимые в октябре и рабочими организациями и солдатской массой Ташкента, категорически требовали перехода власти к советам и вооруженного свержения временного правительства. В результате сентябрьского опыта в Ташкенте быстро назревал Октябрь. На ряде заседаний во второй половине октября большевистская группа подготавливает план вооруженного восстания. Но командующий войсками временного правительства, ставленник Керенского — Коровниченко предупреждает события. В ночь с 28 на 29 октября, узнав по телеграфу о вооруженных октябрьских боях в Петрограде, он бросает свои части против частей, стоящих на стороне советов (пытаясь их разоружить) и „рабочей крепости“ — железнодорожных мастерских. В результате трехдневных боев ташкентских рабочих и солдат, получивших помощь со стороны края, под руководством большевистской организации, 1 ноября банды Коровниченко были наголову разбиты, и власть в Ташкенте перешла в руки советов.

Мы здесь подробнее остановились на роли ташкентской организации в сентябрьских событиях и Октябрьском перевороте потому, что в существующей по этим вопросам литературе еще до сих пор имеются неправильные, искажающие роль большевиков взгляды. Так, например, сентябрьские события трактуются — как стихийное, не руководимое большевиками восстание ташкентских солдат, пытавшихся „перетряхнуть“ старый город. А в отношении Октябрьского переворота все еще пользуется популярностью антипартийная, неверная совершенно формула о том, что не большевики здесь в Туркестане создали советскую власть, а наоборот — советская власть большевиков.

Октябрьские бои привели к полному разрыву между большевиками и меньшевиками, а несколько позднее в декабре ташкентская большевистская парторганизация становится самостоятельной и формально. Вслед за Ташкентом совершенно самостоятельные большевистские организации оформляются и в большинстве остальных городов края.

Одной из особенностей этих парторганизаций было то, что они в подавляющем своем составе состояли из российских национальностей, главным образом русских. Товарищей из местных национальностей в 1917 г. в них было весьма мало — несколько десятков. Приток членов партии и организация ячеек большевиков в старых городах, а затем и в кишлаках начались только после Октября 1917 г. Переломным моментом в этом отношении явилась вторая половина

1918 г., когда в партию начался широкий приток рабочих и бедняков из местных национальностей.

Объединяющего краевого большевистского центра — краевого и областных комитетов не существовало вплоть до июня 1918 г. — I с'езда КП(б)Т. Руководящую роль в крае играла сначала ташкентская большевистская фракция, а затем фракции краевых с'ездов советов (III и IV) и фракция Туркестанского Совнаркома. В июне 1917 г. состоялся так называемый 2-ой краевой с.-д. с'езд — объединенный, по своему составу меньшевистский, собравший меньшевистское краевое бюро РСДРП.

Вставшие перед партией после Октябрьского переворота огромные задачи по укреплению советской власти во всем крае, по борьбе с начавшейся внутренней и внешней контрреволюцией, по разрешению национального вопроса, по налаживанию партийной работы, установлению связи с центром — все требовало скорейшего создания объединяющего краевого партийного центра. И состоявшийся в июне 1918 г., созданный по инициативе ташкентской парторганизации, I с'езд КП(б)Т, избравший краевой комитет и положивший начало объединению разрозненных парторганизаций, имел огромное значение. Он заложил фундамент компартии Туркестана, которая под руководством ВКП(б), тт. Ленина и Сталина сумела взять на себя руководство победоносной борьбой на всех фронтах гражданской борьбы, сумела укрепить союз рабочего класса с многомиллионными декханскими массами бывшей колонии и успешно повести их по пути социалистического строительства, минуя для них мучительную стадию капиталистического развития. Выросшая и окрепшая в борьбе с внутренним и внешним врагом компартия, закалившая и воспитавшая в этой борьбе пролетарские кадры из местных национальностей, явилась той основой, на которой в 1924 г. создались национальные компартии в национальных советских республиках Средней Азии.

Между первым и вторым с'ездами КП(б)Т прошло полгода. За этот период состав партийных организаций рос весьма быстро. К декабрю 1918 г., т. е. ко II с'езду, состояние парторганизации края было следующим. Ташкентская организация состояла в декабре 1917 г. из 50 человек, в июне 1918 г. из 261 человека, из коих 28 из местных национальностей, и к декабрю 1918 г. — около 2000 человек, из коих: 700 русских, 900 из местного населения и 400 — иностранных рабочих (бывшие военнопленные). Имелись партсекции: иностранных коммунистов, латышская, украинская, персидская, татарская, киргизская и районы: старо-городской, ново-городской и железнодорожной. Имелась уже широко развернутая сеть ячеек, сорганизовавшихся в середине 1918 г, 20 октября 1918 г. в Ташкенте была общегородская партийная конференция. До того практиковались только общегородские собрания.

У парторганизации имелась партдružина. Широко проводились мобилизации партийцев на фронт, была развернута партийно-просветительная работа и агитработа в массах. Ташкентская органи-

зация была теснее, чем другие, связана с центром. В организации имелся ряд работников, прибывших сюда в конце 1917 г. и начале 1918 г. из центральной России. В Ташкенте были сосредоточены все руководящие партийные и советские органы Туркеспублики. Вместе с тем Ташкент — самый крупный рабочий центр края. Вполне понятно, что ташкентская парторганизация играла наиболее видную роль.

Кокандская парторганизация создавалась летом 1917 г. по инициативе и под руководством старого большевика Бабушкина. Кокандские большевики в меньшевистскую местную организацию не входили. В этом отношении они шли впереди ташкентских большевиков. В Октябрьские дни организация насчитывала в своих рядах 30—35 человек, в их числе было несколько из местного населения. К I съезду в парторганизации было около 200 человек, а к декабрю 1918 г. — 750 человек.

Прием в партию тогда уже производился при условии рекомендации 2 членов. Парторганизация почти все время была на военном положении, так как все время приходилось вести борьбу с басмачеством. На Андреевском и Потеляховском заводах имелись партколлективы. В парторганизации было значительное число членов из местного населения.

Ходжентская парторганизация, создававшаяся только в апреле 1918 г., ко II съезду имела в своих рядах в городе и уезде около 2 с лишним тысяч человек, из коих в городе Ходженте — около 250 человек. В начале декабря 1918 г. в Ходженте состоялся уездный партсъезд. Парторганизация находилась на военном положении и ей приходилось часто выступать для борьбы с оперирующими в уезде басмаческими шайками Иргаша. Кроме того, в парторганизации проводились мобилизации для пополнения рядов Красной армии.

Парторганизации в уезде, в волостях состояли почти целиком из товарищей местных национальностей.

Организация на промыслах Санто к декабрю 1918 г. имела в своих рядах около 100 человек: она несла охрану промыслов от басмачей. Связи с другими организациями были весьма слабы. У организации не было ни пропагандистских сил, ни партлитературы. Андижанская парторганизация (к съезду в ней было около 200 человек) также крайне нуждалась в агитаторских силах и литературе. Положение парторганизации было трудное потому, что в городе было меньшевистско-эсеровское засилье и дашнаки. Городская дума здесь была распущена только в начале декабря 1918 г. Ошская организация — к декабрю насчитывавшая 200 человек — довольно широко вела работу среди местного населения и создавала в уезде комбеды. Здесь сильна была лево-эсеровская организация, насчитывавшая около 200 человек.

Значительной по своему составу — 600 человек — была намаганская большевистская организация. Причем около 400 человек в ней были члены из местных национальностей. В совете партии

играла руководящую роль. Сильную борьбу ей приходилось вести с контрреволюционной организацией „Хлопмасмыло“.

Скобелевская (ферганская) организация в декабре имела: членов 237 человек и 200 сочувствующих. Кроме того, там была группа иностранных коммунистов в 200 человек (из военнопленных). В начале декабря 1918 г. была чистка, после которой в организации осталось только около 100 чел. В уезде партией были организованы комбеды. Значительная доля внимания организации была сосредоточена на борьбе с басмачеством. Кизил-кийская большевистская организация, организовавшаяся в феврале 1918 г., к с'езду имела в своем составе 451 человека. У организации имелась боевая партдružина, в которой было поставлено регулярное военное обучение и которая неоднократно выступала против басмаческих шаек и, кроме того, несла охрану копей и Старого Маргелана. Организация также большое внимание уделяла поднятию производительности труда на копях. В Старом Маргелане имелась парторганизация в 170 человек почти целиком из коренного населения. Ее работа тормозилась в силу того, что все внимание приходилось уделять борьбе с шайками Мадамин-Бека.

Катта-курганская организация к II с'езду насчитывала в своих рядах около 200 человек. Работа тормозилась близостью фронта.

Джизакская организация имела 36 человек. Велось обучение военному делу.

В ура-тюбанской организации состояло около 100 чел.

Как мы уже упоминали, первая самостоятельная большевистская группа в Самарканде сложилась еще в июне 1917 г., почти одновременно с Кокандом. В сентябре 1918 г. в Самарканде состоялся первый областной партс'езд, избравший обком. К декабрю в области уже числилось 28 парторганизаций с 3500 членов из русских и, по словам докладчика на II с'езде, „огромным количеством мусульман“. Приблизительный подсчет говорит, что в это время в Самаркандской области было около 5—6 тысяч членов парторганизации. Не надо забывать, что Самаркандская область была главным районом деятельности группы т. Кливлеева, вербовавшей в партию местное население через агитацию от корана. После его подобного рода агитационных выступлений в партию записывались целыми кишлаками.

Парторганизация в Голодной Степи (Марзачуль) создавалась только в ноябре 1918 г., почти накануне II с'езда, имела в составе 53 человека и кроме того сочувствующих около 500 человек из местного населения.

Пскентская организация, создавшаяся в сентябре 1918 г., имела 55 членов. Здесь большевикам приходилось вести упорную борьбу с левыми эсерами, в организации коих состояло около 800 человек.

В перовской (Кизил-Орда) организации к концу 1918 г. числилось около 400 человек, из них половина — из местного населения. Большая часть парторганизации была на актюбинском фронте в рядах Красной армии.

Казалинская организация всю свою деятельность также сосредоточивала на помощи фронту.

Туркестанская городская парторганизация создавалась в апреле 1918 г. Ей приходилось вести борьбу с левыми эсерами, которые ее численно значительно превосходили.

Алма-атинская организация, сложившаяся в августе 1918 г., насчитывала к концу 1918 г. около 1000 человек. В этот период здесь против большевиков сильную травлю вела лево-эсеровская организация, не гнушавшаяся в этой борьбе самой разнузданной провокацией.

Говоря о пишпекской (теперь фрунзенской) организации, необходимо отметить, что здесь еще до II съезда произошло слияние большевистской организации с лево-эсеровской, в результате чего организация засорилась. Для восстановления организации позже потребовалась чистка.

Первая подпольная большевистская группа в Алма-Ата сформировалась в январе 1918 г. В марте она уже легализировалась. А партийчейки по области появились уже позднее: каракольская — в июле, джаркентская — в декабре, гавриловская — в августе и т. д. К декабрю в большинстве переселенческих сел Алма-Атинского уезда имелись уже партийные ячейки.

В городской алма-атинской организации в это время имелось не менее 200 членов, и была уже отдельная ячейка из местных товарищей в 70 человек.

Чарджуйская парторганизация, возникшая в декабре 1917 г., имела в своем составе к декабрю 1918 г. около 130 человек. Здесь имелась партдružина. Партии приходилось вести борьбу с многочисленной (до 400 человек) эсеровской организацией.

Что же касается Закаспия, то партийные организации там белым закаспийским правительством были разгромлены, а уцелевшие большевики работали в подполье.

Мы остановились здесь весьма подробно на количественном составе и росте отдельных партийных организаций края для того, чтобы рельефнее выявить тот огромный количественный рост парторганизаций, который произошел во второй половине 1918 г., особенно рост в парторганизациях членов из местного населения. В существующей по этому вопросу литературе эта огромная тяга в партию среди местных трудящихся масс во второй половине 1918 г. обычно смазывается, недооценивается. А эта тяга в партию пролетарских и декханских масс местных национальностей означала все более и более крепнувший в огне гражданской войны союз российского пролетариата с декханскими массами бывшей колонии. Это означало: угнетенные массы все более осознавали, что ленинская национальная политика является тем единственно правильным путем, который избавляет трудящиеся массы Туркестана от колониального гнета и кабалы и ведет их к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

„Декларация прав народов России“ и „Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока“, в первые дни Октября широко об'явившие всем раннее угнетенным царизмом народам России основы ленинской национальной политики, сыграли огромную роль в деле упрочения союза рабочих и крестьянских масс России с рабочими и крестьянскими массами ранее угнетенных народностей. Благодаря этой единственно правильной национальной политике, трудящиеся массы местных среднеазиатских национальностей не пошли за поднятым тотчас же после Октября ранее господствующими классами местных национальностей контрреволюционным буржуазным движением, маскирующимся лозунгами борьбы за национальную автономию края.

Наиболее передовая часть трудящихся масс местных национальностей выступила в тесном союзе с российским пролетариатом края на вооруженное подавление контрреволюционного „автономистского движения“. Наконец, в результате этой правильной национальной политики ленинского ЦК туркестанская большевистская организация смогла изжить свои ошибочные, оппортунистические взгляды в национальном вопросе и стать на ленинские позиции. Основная ошибка туркестанской парторганизации состояла в том, что она не сумела сразу же, с первых дней Октября, начать широкое привлечение к советскому и партийному строительству местных трудящихся классов, декларировав на третьем краевом с'езде советов в ноябре 1917 г. о том, что включение представителей местного населения в органы высшей краевой власти преждевременно в силу их культурной и политической отсталости, и что, прежде чем дать им автономию, их нужно классово воспитать, „поднять до уровня советской власти“. И хотя комфракция IV краевого с'езда советов в январе 1918 г. по сравнению с III с'ездом сделала значительный сдвиг вперед — признала необходимость провозглашения советской автономии края, — но никаких практических шагов в этом вопросе не наметила. У парторганизации осталась прежняя точка зрения о том, что автономия осуществима только после „поднятия среди мусульманского пролетариата классового самосознания“.

Но в этой же резолюции выявилась еще одна ошибка — в ней говорится не о советской, а о пролетарской автономии края. Здесь совершенно игнорируются декханские массы, декханская беднота. Ошибки в национальном вопросе здесь тесно переплетаются с ошибками в вопросе крестьянском. Здесь недооценка национального вопроса для Туркестана. А это означало, что на туркестанское колонизаторство и на неравноправное положение трудящихся масс местных национальностей парторганизация закрывала глаза. Ошибка туркестанских коммунистов в национальном вопросе являлась ничем иным, как перенесением „левого“ уклона группы Бухарина и Пятакова в своеобразные среднеазиатские условия. Природа этого уклона — великодержавный шовинизм. Причина — влияние колонизаторской среднеазиатской среды.

Упомянутый выше IV съезд советов Туркестана в этом вопросе топтался на месте, несмотря на то, что национальный вопрос в это время требовал к себе внимания и быстрого его решения. Дело в том, что в это время остро стоял вопрос, за кем пойдут широкие декханские массы—за советами или кокандским „автономным“ правительством. Это последнее, пользуясь ошибками большевистской организации, развернуло широкую деятельность по привлечению на свою сторону трудящихся масс. Автономисты созвали в Коканде съезд мусульманских рабочих и декханских депутатов, большинство которого высказалось за автономистов. И только меньшая его часть—главным образом левая часть союзов „трудящихся мусульман“—высказалась против буржуазной автономии. Правда, съезд был сильно подтасован: среди рабочих и декхан оказалась значительная часть байства. Ясно, что оттягивание на неопределенное время вопроса о советской автономии края, отстранение местного населения от власти играли наруку автономистам.

Кокандские автономисты, вошедшие в союз с российскими белогвардейцами—офицерством, царским чиновничеством, крупной буржуазией, всей прежней колонизаторской верхушкой,—разоблачили себя перед массами. Почти год революции не прошел для масс даром. Они начинали понимать, куда клонят автономисты. С другой стороны, начала усиливаться борьбу с контрреволюционной „автономией“ и туркестанская парторганизация. Тов. Полторацкий, например, участвовал и выступал на съезде рабочих и декханских депутатов в Коканде, разоблачая контрреволюционную роль „автономии“. В результате краевой совет мусульманских рабочих и декханских депутатов выступил против правительства кокандской „автономии“, началась вооруженная борьба. На сцену выступил предводитель разбойничьих басмаческих шаек Иргаш, начавший наступление на кокандский красногвардейский гарнизон. Но благодаря помощи, оказанной во время красногвардейскими частями из Ташкента, Иргаш 6 февраля был разбит, бежал, и кокандская „автономия“ была ликвидирована.

Но ликвидация этого контрреволюционного движения еще не означала, что большевистская организация края полностью изжила свои ошибки в национальном вопросе. Объявление советской автономии края все еще задерживалось. И потребовалось вновь вмешательство органов центральной власти для того, чтобы осуществление этого мероприятия форсировать на практике. Учитывая отмеченные здесь ошибки туркестанского руководства, т. Сталин еще ранее вел неоднократные переговоры по телеграфу с ташкентским руководством по вопросам скорейшего привлечения местного населения к советскому и партийному строительству, к власти. Учитывая, что туркестанское руководство стоит все еще на ошибочных позициях в этом вопросе, т. Сталин специальным обращением к советам Казани, Уфы, Туркестана, четко подчеркивая допущенные местами ошибки в вопросах автономии, дал указание о том, чтобы на местах было немедленно приступлено к подготовительным мероприятиям по объявлению автономии. В этом обращении т. Сталин писал:

„Для того чтобы власть там (на окраинах—П. А.) стала народной, нужны специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процессы революционного развития, необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей слить с последней, но это невозможно без автономии этих окраин, т. е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественных, политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного родного для трудовых масс края языка во всех сферах общественной жизни“. И далее: „Не отрицание автономии, а признание ее является очередной задачей советской власти, необходимо только автономию эту построить на базе советов на местах, и только таким путем может стать власть народной и родной для масс, т. е. необходимо только, чтобы автономия обеспечивала власть не верхам данной нации, а ее низам“.

Но не ограничиваясь этим, т. Сталин посылает в Туркестан, пользуясь получившимся в это время, на короткий, правда, период, прорывом „оренбургской пробки“ ряд работников: Клевлеева, Ибрагимов и др. И обращение т. Сталина, и посылка работников из центра сыграли решающую роль. Состоявшийся в конце апреля V краевой с'езд советов, на который в число делегатов было привлечено довольно значительное количество местных товарищей, 30 апреля объявил советскую автономию края. В избранные краевые органы власти Совнарком и ТурЦИК с'езд ввел ряд лиц из местного населения. Этим был укреплен союз российского пролетариата с широкими коренными массами трудящихся, с декханством.

Тт. Ленин и Сталин, придавая огромное значение быстрому и правильному разрешению в Туркестане национального вопроса, не ограничиваясь данными уже директивами и посылкой работников (Кобозев, Клавес, Ибрагимов и др.), шлют V с'езду советов Туркестана специальную телеграмму, в которой еще раз подчеркивают необходимость и важность осуществления с'ездом советской автономии.

Но провозглашение советской автономии еще не означало, что она сразу же была широко осуществлена на деле. Ее проведение на практике встретило целый ряд препятствий и со стороны старых колонизаторских групп, и со стороны великорусско-шовинистически настроенных элементов внутри партии. Наконец, не изжиты были еще до конца ошибки в национальном вопросе и у местных парторганизаций.

Собравшийся в июне 1918 г. I с'езд коммунистической партии Туркестана в своей резолюции констатировал, что „автономия до сего времени имеет мало реальных проявлений, которые служили бы залогом поднятия самосознания мусульманского пролетариата и привлечения его симпатий к власти“. В этой своей резолюции, по сравнению с V краевым с'ездом советов, партс'езд сделал значительный шаг вперед в осуществлении советской автономии, признав необходимым: 1) объявить государственным языком, наряду с русским,

язык тюркский; 2) образовать нацкомиссариаты при всех областных, уездных и городских советах; 3) издавать все официальные органы на тюркском языке; 4) организовать курсы для подготовки кадра партработников из мусульман; 5) создать мусульманскую Красную армию; и 6) издавать партийную литературу на тюркском языке.

Но вместе с тем на с'езде по национальному вопросу выявилось два уклона от ленинской линии. Во-первых, здесь проявился вновь прежний уклон великодержавно-шовинистического порядка. С'езд говорил только о „мусульманском пролетариате“, забывая декханскую бедноту и декханские массы в целом. Во-вторых, здесь обнаружился уклон националистический, пантюркистского порядка, — „клевлеещина“, сущность которого состояла в том, что затушевывались классовый характер советской власти и классовый состав парторганизации: в советское строительство и в партию вовлекалось и байство. Клевлеев в своей агитационно-пропагандистской деятельности старался „об'единить“ учение Магомета с коммунизмом. А в одной из откровенных бесед он заявил: „Я прежде всего мусульманин, затем — татарин и в-третьих — коммунист“.

В развитие принятых I партс'ездом Туркестана положений, ТурЦИК 14 июня 1918 г. принял пространное постановление о привлечении к работе в органах советской власти местного населения. 23 августа был опубликован декрет о равноправии языков. В июле выходит ряд первых номеров советских газет на узбекском языке: 20 июля в Ташкенте „Иштракиун“, 27 июля — „Известия“ в Фергане. Местное население начало привлекаться в ряды Красной армии. Но на местах национальная политика партии довольно длительный период сильно тормозится и извращается колонизаторскими элементами, примазавшимися к советской власти. Особенно затяжной характер этот процесс принял в кулацком Семиречье. Но несмотря на это, практическое вовлечение местных трудящихся в партийное и советское строительство шло довольно быстро. Рабочие и декханские массы широким потоком включились в строительство советской власти и партии. Союз пролетариата с декханскими массами приобретал все более прочные основы.

Так под бдительным руководством ленинского ЦК росла и крепла большевистская организация Туркестана, сумевшая организовать победу пролетарской революции в Октябре 1917 г., на основе указаний тт. Ленина и Сталина исправить свои ошибки в национальном вопросе, провозгласить советскую автономию края и вернуть широкую героическую борьбу на окружающих Туркестан фронтах гражданской войны.

III. Главнейшие решения с'езда

а) Организация с'езда, его состав и документы

II с'езд КП(б)Т состоялся в период 17—29 декабря 1918 г. в Ташкенте, через 6 месяцев после первого партс'езда. И по числу представленных на нем организаций, и по числу делегатов он был

значительно шире и полнее первого: на I с'езде было 40 — 50 делегатов от 13 организаций, а на II около 180 делегатов от 30 организаций. Норма представительства—один от ста человек. На II с'езде были впервые представлены семиреченские организации, но отсутствовали парторганизации занятого тогда белыми Закаспия.

С'езд был собран по решению и под руководством краевого комитета, избранного на I с'езде. Заседания с'езда проходили тайком во Дворце труда. Президиум с'езда был избран в составе 7 товарищей: Солькин (председатель), Джурабаев, Воедилов, Войтинцев, Шарыбин, Татаринов и Тим.

С'ездом была утверждена следующая повестка дня:

- „1) Вопрос о Тоболине.
- 2) Отчет о деятельности временного ЦК партии, фракции ЦИК'а и доклады с мест.
- 3) Текущий момент.
- 4) Партийная работа в центре и на местах:
 - а) классовое воспитание масс вообще и мусульманских в частности;
 - б) работа в профсоюзах;
 - в) о сельскохозяйственных коммунах;
 - г) отношение к трудовой повинности;
 - д) издание партийного органа.
- 5) Отношение к советским и не советским партиям.
- 6) О советской конституции“.

Для освещения работ с'езда нам приходится использовать те материалы, которые в свое время были опубликованы в газетах „Туркестанский коммунист“, „Наша газета“ и некоторых других. Протоколы этого с'езда до сих пор не найдены. Отчеты и протоколы с'езда изданы также не были. В среднеазиатских архивах из всех материалов с'езда сохранилась только часть мандатов делегатов. Но и в газетах все доклады, резолюции и прения опубликованы также не были. Поэтому осветить полностью деятельность с'езда пока нет возможности. Известно, что первые пять дней с'езд разбирал дело о группе так называемых „старых коммунистов“. Но ни доклада по этому вопросу, ни прений с'езда нет в нашем распоряжении. Имеется только принятая по этому вопросу с'ездом резолюция. Поэтому нам для освещения группы „старых коммунистов“ пришлось привлечь сохранившееся в партийном архиве СредАзБюро ЦК ВКП(б) следственное дело, подробно излагающее суть группировки.

Не найдено ни докладов, ни прений по следующим вопросам с'езда: 1) о деятельности временного ЦК, 2) о работе профсоюзов, 3) о сельскохозяйственных коммунах, 4) об отношении к трудовой повинности, 5) об издании центрального органа и 6) о советской конституции.

Резолюций: 1) об отношении к трудовой повинности, 2) о сельскохозяйственных коммунах также нет.

Имеющийся в газетах материал о с'езде весьма сжат и краток. В силу всех этих обстоятельств нам пришлось здесь остановиться только на основных решениях с'езда, не разбирая совсем ряда других вопросов.

б) Оценка с'ездом революционной роли крестьянства

В решениях I с'езда КП(б)Т по крестьянскому вопросу была допущена крупная политическая ошибка, характеризующая роль крестьянских масс в революции как „временных попутчиков революционного пролетариата“ и как „опору контрреволюции“ — в дальнейшем. Это была антиленинская, троцкистская оценка крестьянства. II с'езд в правильном понимании крестьянского вопроса сделал уже значительный шаг вперед. Здесь мы имеем по вопросу о крестьянстве правильные формулировки. Так, резолюция II с'езда говорит: „Задачей Российской коммунистической партии в такой тяжелый ответственный для пролетариата и беднейшего крестьянства момент должно быть наиболее тесное классовое объединение рабочих и крестьян, усиление советской власти более широким объединением истинно-революционных элементов, поднятие производительности труда и увеличение живой военной силы“. Здесь уже говорится о беднейшем крестьянстве как союзнике пролетариата, а не „временном попутчике“. Но в другой резолюции этого же с'езда — „об отношении к политическим партиям“ — постановка вопроса о роли крестьянства почти ничем не отличается от постановки I с'езда. Там крестьянство — только „революционизированная иностранной вмешательством сила“, т. е. по существу те же „временные попутчики“. А вот установки в этом вопросе, изложенные перед с'ездом в „Нашей газете“ в статье Правдина (Качуринера) „К с'езду партии“. Указав на то, что „только через беспощадную диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства возможно поражение контрреволюции и торжество коммунизма“, и что „при существующих условиях мы можем за собой тащить не только мелкое безземельное крестьянство, но и то среднее, чьи наделы не весьма разнятся от нормы“, он далее говорит, что „такой шаг есть вызванное объективными условиями отступление от партийной доктрины“, и что „основное в данный момент — это расширение революционного базиса и грядущая коалиция пролетариата с мелкой буржуазией на национальной почве защиты своего отечества“. Здесь автором допущены те же ошибки, что и в цитированной нами выше резолюции, но еще в более заостренной форме.

Проанализируем допускаемые и в решении с'езда, и в статье Качуринера ошибки в крестьянском вопросе. Правильным здесь является указание на союз пролетариата с беднейшим крестьянством. Но ленинского понимания существа крестьянского вопроса все еще нет. Качуринер утверждает, что союз с беднотой, опора на бедноту — это „вызванное объективными условиями отступление от партийной догмы“. „Объективные условия“ — это „иностранное

вмешательство“, революционизировавшее на время крестьянство „на национальной почве защиты своего отечества“. Кончится „иностранный вмешательство“, борьба на фронтах для „защиты своего отечества“, и революционная роль и бедняка, и середняка исчезнет. Здесь мы имеем ярко выявленную троцкистскую, меньшевистскую установку, отрицающую, что крестьянство является движущей силой революции. Здесь мы имеем вместе с тем полное непонимание трех стратегических лозунгов Ленина по крестьянскому вопросу на различных этапах революции и в частности второго лозунга, когда пролетариат шел вместе с беднейшим крестьянством, нейтрализуя середняка и ведя борьбу с кулаком. И хотя в резолюции с'езда и говорится о бедноте, но об отношении к середняку и кулаку резолюция умалчивает совсем. И только в статье т. Качуринера имеется упоминание о среднем крестьянстве, которое мы можем „тащить“ (!) за собой на той же национальной почве „защиты своего отечества“.

Выдвигая уже в это время лозунг опоры на бедноту, внося известные поправки в свои установки под влиянием выступлений Ленина по вопросу о союзе с середняком, туркестанская парторганизация совершенно не поняла существа крестьянского вопроса, оставаясь на троцкистских позициях.

в) Об антипартийной группе так называемых „старых коммунистов“

Значительную часть времени с'езда — все его первые пять дней — занял разбор с'езда вопроса о создавшейся в организации антипартийной группировке, именовавшей себя „старыми коммунистами“ — наименованием, ни в какой мере не соответствовавшим составу группы: из двух десятков входящих сюда лиц ни один не имел партстажа раньше 1917 г. „Вождем“ группы был Тоболин, бывший председатель ТуркЦИК'а и краевого партийного комитета. Резкое расхождение Тоболина и предсовнаркома Колесова с большинством крайкома и ташкентской парторганизацией по ряду вопросов партийного и советского строительства началось с августа — сентября 1918 г. Причем эти конфликты Тоболина и Колесова с партийной организацией вылились в форме отказа Тоболина отчитываться в своей работе перед парторганизацией, которой он по этому вопросу заявил: „Революцию в Туркестане делал я, большевиками вас сделал я и не обязан вам подчиняться“. Аналогичного порядка заявления мы имели и со стороны председателя Совнаркома Колесова, заявившего, что отчитываться перед парторганизацией „я не обязан, я выбран краем“.

Дальнейшее развитие этого конфликта между Тоболиным и Колесовым, с одной стороны, и большинством ЦК, поддерживаемым ташкентской организацией, повело к снятию Колесова с поста предсовнаркома и демонстративному уходу Тоболина из ЦК. Этот

выход Тоболин в письме на имя ташкентской парторганизации мотивировал следующим образом: „Принимая во внимание неправильную тактику ЦК партии по отношению к ее левому крылу (т. е. Тоболину и его группе—П. А.) и отмечая сильное влияние оппортунизма в Центральном комитете, я, старый член ЦК, избранный общереспубликанским с'ездом, не нахожу возможным оставаться в рядах ЦК впредь до с'езда партии, который должен избрать соответствующий состав своего центра, указав ему истинный путь революционного социализма; настоящим довожу до сведения о выходе из состава ЦК“. Вопрос о Тоболине явился предметом обсуждения комфракции VI чрезвычайного краевого с'езда советов в октябре 1918 г. Эта комфракция, об'явивши себя партконференцией, избрала временный ЦК и поручила новому ЦК подробно разобрать тоболинскую группировку. Кроме того в задачу временного ЦК был поставлен созыв в ближайшее время II краевого партс'езда.

На партконференции Тоболин заявил, что он не останется на партконференции, если на ней будут присутствовать те члены парторганизаций против которых он выступает. А вскоре после VI с'езда советов Тоболин выдвинул обвинение против ташкентской организации в том, что она засорена, вышел из партии и опубликовал в редактируемой им газете „Коммунист“ письмо об организации новой партии „старых коммунистов“. Вслед за Тоболиным в том же „Коммунисте“ опубликовали о своем выходе из ташкентской организации и переходе к „старым коммунистам“ шестнадцать сторонников Тоболина.

Явно антипартийная деятельность тоболинской группы заставила временный ЦК закрыть газету „Коммунист“ и в заседании от 4 декабря вынести о группе следующее постановление: 1) не признавать таковую, как возникшую явочным порядком при существовании надлежащей организации партии, при том еще в уродливой форме при участии не имеющих никакого отношения к партии элементов; 2) членам партии предложить не входить ни в какие сношения с вышеуказанной организацией; 3) всем вошедшим в вышеуказанную организацию членам партии предложить выйти из нее в 3-дневный срок, после чего, если члены не заявят о выходе, исключаются из партии; 4) принять все меры предотвращения дальнейшего разложения в партии вообще и в Ташкенте в частности“.

В этот же день Тоболин, явившись в ЦК заявил, что он „не желает подчиняться закрытию газеты „Коммунист“, что, несмотря ни на что, газета будет выходить, что он также не подчинится запрещению выезда Колесова в Самарканд, и что поезд для этой поездки будет взят с бою с помощью 27 молодых. А если ЦК также будет преследовать группу, то она примет все меры, обладая для отпора необходимой силой“.

На другой день, 5 декабря, члены группы Тоболина Гушин и Петров явились на заседавший тогда в Ташкенте фронтовой с'езд

Красной гвардии и Красной армии и от имени новой партии „старых коммунистов“ пред'явили ряд обвинений ЦК и ЦИК'у Туркеспублики, угрожая, что в случае неудовлетворения их требований „откроется новый фронт“. В ответ на это выступление с'езд постановил о необходимости ареста этой группы и создания следственной комиссии по их делу.

При аресте Тоболин и два его сторонника оказались вооруженными револьверами и бомбами. Для их ареста пришлось применить силу. При этом Тоболин грозил: „Завтра явятся войска из Самарканда“.

После пятидневного разбора дела „старых коммунистов“ с'езд вынес следующее постановление:

С'езд признает:

«1) Что принципиальных идейных расхождений между группой так называемых „старых коммунистов“ и ташкентской организацией никаких нет.

2) Что выход группы „старых коммунистов“ из ташкентской организации, не обоснованный никакими идейными принципами или тактического характера расхождениями, недопустим с точки зрения партийной дисциплины.

3) Что об'яснения руководителя группы „старых коммунистов“ т. Тоболина относительно выхода из ташкентской организации: а) по причинам загрязнения рядов ташкентской организации темными и авантюристическими элементами и б) соглашательской политики ЦК партии—не выдерживают никакой критики.

4) Борьба с временным ЦК партии и ташкентской организацией, проводимая вне партии, недопустима.

Принимая во внимание все вышеизложенное, с'езд постановляет: «предложить группе так называемых „старых коммунистов“ подчиниться партийной дисциплине, войти обратно в партию и бороться с замеченными недостатками только внутри партии и работать в этих организациях под контролем ЦК партии. В случае отказа подчиниться сему постановлению члены группы так называемых „старых коммунистов“ исключаются из туркестанской организации Российской коммунистической партии со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Как видим, с'езд строго осудил эту группировку и предложил ей подчиниться воле партии. Но с'езду не удалось вскрыть корней этой антипартийной группировки, завуалированных Тобиным в показаниях следственной комиссии и II с'езду партии заявлениями о том, что из организации он „вышел не по идейным соображениям, а потому, что в среде ее находились определенные провокаторы“, что „цель организации нашей—возвращение к работе в массах, организация масс, наш лозунг—массы и работа через массы“.

Чтобы точно уяснить себе корни и сущность этой антипартийной группировки Тоболина, нужно вспомнить ту позицию, которую Тоболин занимал и в национальном, и в крестьянском вопросе на

III и IV краевых съездах советов и I съезде КПТ. В крестьянском вопросе у него были антиленинские, троцкистские установки. В национальном вопросе он занимал также антиленинскую позицию игнорирования национального вопроса. Позиция Тоболина в национальном вопросе — это повторение „левых“ бухаринских ошибок 1917—1919 гг. Характерно, что еще на IV краевом съезде советов в январе 1918 г. Тоболин выступал с лозунгом „самоопределение только для трудящихся“, т. е. с теми положениями, за которые т. Ленин бил на VIII съезде РКП(б) Бухарина, показывая их полную несостоятельность и подчеркивая их великодержавно-шовинистическую природу. Характерно также, что в деятельности группы „старых коммунистов“ мы имеем ряд антипартийных действий, целиком позаимствованных от „левых“ коммунистов. Здесь о ставка на организацию отдельной партии, и „левые“ фразы о том, что партия оторвалась от массы, и выход из состава правительства, и создание собственной фракционной газеты „Коммунист“, даже по названию схожей с бухаринским фракционным органом „Коммунист“.

Тоболинская антипартийная группа „старых коммунистов“ — это „левый коммунизм“ Бухарина в среднеазиатских условиях. Истоки этой группы — это влияние на менее устойчивую часть партии мелкобуржуазной колонизаторской среднеазиатской среды. А известно, что „теоретическая“ основа „левого коммунизма“ — троцкизм. Недаром вождь группы „старых коммунистов“ Тоболин впоследствии оказался в лагере троцкистов.

Поражение этой группы было поражением великодержавно-шовинистического уклона в парторганизации. Это в существе своем был крупный шаг на пути осуществления ленинской политики в национальном вопросе.

Совершенно не поняли сущности группировки Тоболина т. Федоров и др. Федоров в своей статье „К истории КПТ“ („Коммунистическая мысль“ № 2 за 1926 г., стр. 69) пишет: „В рядах партии назревала группировочная борьба самого затхлого характера. Уже на VI съезде советов столкновения между Качуринером и Тоболиным приняли личный характер“. „Вся история носила определенно склочный характер и в основном имела борьбу за руководящие посты в партии, в ЦИК'е и Совнарком“. Почти аналогичная точка зрения и у т. Муравейского в его „Очерках по истории революционного движения в Средней Азии“.

Несостоятельность этой точки зрения тт. Муравейского и Федорова после изложенного здесь ясна и особых доказательств не требует.

г) Решение съезда по вопросам укрепления партийных рядов

Как мы уже говорили, к концу 1918 г. парторганизация Турк-республики в своем численном составе достигла огромной для того периода цифры — 13—15 тыс. членов, в то время как к I съезду КП(б)Т, т. е. полугодием раньше, она не превышала 2—3 тыс.

человек. Пополнение организационными членами в это полугодие, как видим, шло особенно быстрыми темпами и главным образом за счет трудящихся местных национальностей, за счет декханских масс. Ко II съезду члены партии из местного населения составляли в организации не менее 50%. За это полугодие возникло большое число партячеек в кишлаках и аулах. Причем прием в партию здесь в ряде случаев происходил по клевлеевскому методу — агитации от корана. Таким образом значительная часть кишлачных и аульных парторганизаций того периода классово-выдержанными еще не являлись. Правда, уже в этот период основной преобладающий численно костяк кишлачных, аульных и старгородских ячеек составляли бедняцкие, полупролетарские массы, но наряду с ними в части парторганизаций состояло значительное количество классово-чуждых элементов байско-кулацкого типа, мелкобуржуазной интеллигенции, а иногда и бывших чиновников старого колонизаторского аппарата. Почти в аналогичном положении по составу были партячейки в русских поселках и станциях Семиречья. Иной состав был в городских и заводских партячейках. Это были по своему составу классово-выдержанные организации. Первое место в этом отношении занимала парторганизация Ташкента. Прием в партию в большинстве городских, заводских и железнодорожных организаций уже тогда производился при условии поручительства нескольких членов партии, тогда как в кишлаках и аулах этих правил не существовало. В кишлаках и аулах шел стихийный, никем не регулируемый рост парторганизации. Учитывая засорение парторганизации чуждыми элементами, места уже в этот период практиковали партчистки, вычищая иногда не менее половины организации. Поэтому перед II партсъездом вопрос о чистке рядов парторганизации в краевом масштабе встал как одно из первых и необходимых мероприятий. Газета „Туркестанский коммунист“ по этому вопросу в период партсъезда писала: „Чистка партии — вот лозунг, который должен провозгласить съезд партии, лозунг, который невольно напрашивается после докладов с мест, особенно глухих, заброшенных и забытых, ибо в настоящий момент напряженного революционного творчества прежде всего требуется, чтобы во главе движения стояла крепко спаянная, дисциплинированная партия, сильная не количеством, а качеством, своей революционной выдержкой и дисциплинированностью“.

И съездом партии было намечено провести партчистку во всех организациях Туркеспублики. Но по линии укрепления партийных рядов съезд не ограничился одной чисткой. Съездом был принят партийный устав, представляющий из себя в сокращенном виде принятый Всероссийским съездом РКП(б) устав партии. Устав впервые устанавливал и единую структуру парторганизации края, и прием новых членов при условии рекомендации 2 членов партии. Далее съезд принял ряд решений по вопросам укрепления связи

между организациями — центром и местами, налаживания инструкторского обслуживания мест, помощи работниками, обмена опытом. В принятой с'ездом резолюции говорилось: „Центр не должен быть громоздким по своему составу, дабы не задерживалась его работа, и должен иметь самую тесную связь с местами, для чего с'езд вменяет в обязанность всем секретарям организаций присылать регулярно все протоколы и вообще сведения, могущие интересовать центр партии“. И далее: „Что же касается работы на местах, то прежде всего должно признать необходимость централизации и контакта между отдельными организациями. На местах каждая организация должна строго придерживаться директив высшей партийной единицы (уездного, областного комитета)“. Значительное внимание с'ездом было уделено и вопросам связи партии с массами, и работе партии в профсоюзах, вопросам роли фракции в советских и профорганизациях.

Все эти вопросы в тот период стояли особо остро. Прежде всего в период между I и II партс'ездами мы имели такое положение, когда фракция ЦИК и Совнаркома во главе с Тоболиным и Колесовым держала ставку на то, чтобы не подчиняться крайкому партии, не отчитываться в своей работе перед ташкентской организацией. Ярким проявлением неподчинения фракции крайкому, отрыва руководящих советских работников от масс является разбираемое на с'езде дело о „старых коммунистах“. Партс'езд принял по этим вопросам ряд следующих четких постановлений. В резолюции „О партийной работе“ было указано, что ни один член партии, как бы ни был важен его пост, не может отказаться от исполнения своих обязанностей, внесения членских взносов, посещения собраний (ответственности перед организацией и парткомитетом): „Цек партии должен осуществить самый бдительный контроль над работой правительства, требуя от руководителей отчета и ответственности перед собой“. И далее в резолюции говорилось о более частом переизбрании лиц, избираемых на партийные и советские посты и освобождении секретарей парторганизаций от всех обязанностей, кроме партийных. В специально принятой с'ездом резолюции о работе профсоюзов с'езд заострил внимание на необходимости создания в профсоюзах комфракций, через которые парторганизация и должна осуществлять свое руководство этими массовыми организациями. С'езд особо подчеркнул необходимость максимального внимания со стороны парторганизации вопросам массовой работы в профсоюзах. Нужно иметь в виду, что в этот период, пользуясь тем, что лучшая часть рабочих была на фронтах, меньшевики и эсеры пытались овладеть профсоюзами, развертывали здесь свою контрреволюционную работу, между тем как партия, сосредоточившая все свое внимание на борьбе на фронтах, достаточного внимания массовой работе в профсоюзах не уделяла. Поэтому принятая о работе в профсоюзах резолюция была по одному из слабых мест работы партии в массах и была крайне актуальна.

Был поставлен съездом и вопрос о кадрах, в первую очередь партийных, создании кадра агитаторов и пропагандистов. В своих докладах работники мест в один голос жаловались на отсутствие на местах опытных агитаторских и пропагандистских сил. Партия быстро росла. Была необходима большая агитационно-пропагандистская работа и внутри партии, и в массах, а соответствующих сил не было. Влившиеся в партию, численно огромные, новые сырые кадры нужно было воспитывать в большевистском ленинском понимании задач партии, задач пролетарской социалистической революции.

Съездом по этому вопросу был намечен целый ряд мероприятий: создание курсов по подготовке агитаторов, пропагандистов, издание партийной ежедневной краевой газеты и литературы на русском и местных языках — оригинальной и переводной. Съезд подчеркнул, что „избранный съездом центр партии в Туркестане должен обратить внимание главным образом на агитационно-пропагандистскую работу“.

Таким образом своими решениями по внутрипартийным вопросам — по организационной структуре парторганизации, приему в партию, поднятию дисциплины, ликвидации отрыва руководящих работников от масс, постановке агитпропработы и усилению работы партии в массах — съезд положил предел той кустарщине, которая до этого существовала, сделал крупный шаг по укреплению парторганизации.

Строительство парторганизации края II съездом ставилось на твердые большевистские рельсы на основе ленинских принципов организационного строения партии.

Под руководством РКП(б) большевистская организация Туркестанской республики становилась все более крепким большевистским отрядом на Советском Востоке.

д) Вопросы обороны страны

Специального вопроса об усилении обороноспособности страны на съезде не стояло. Но в большинстве докладов, особенно по текущему моменту, этому решающему для того периода вопросу было уделено весьма большое внимание.

Первый вопрос, на котором съезд заострил свое внимание, — это усиление рядов Красной армии коммунистическими силами, мобилизация членов парторганизаций на фронт. В этот весьма тяжелый период борьбы, когда красноармейские части усиливались все новыми и новыми пополнениями, когда внутренняя контрреволюция пыталась разлагать и дезорганизовать ряды Красной армии изнутри, когда партия левых эсеров и в тылу и на фронте начала вести дезорганизаторскую работу, все более скатываясь к открытой контрреволюции, усиление рядов Красной армии большевистскими силами было одной из насущнейших задач. Январские события в Ташкенте, происшедшие через месяц после съезда, наглядно подтвердили эту опасность: во главе этого белогвардейского восстания оказалась группа работников штаба туркфронта,

под руководством военного комиссара Осипова. А со стороны левых эсеров в это время мы имели такие факты, когда командир отряда—левый эсер Колузаев—без разрешения командования снимает с закаспийского фронта и перебрасывает свой отряд в Ташкент. И съезд в этом отношении прекрасно учитывал создавшуюся обстановку, когда в своих резолюциях сказал, что, „принимая во внимание стремление левых социалистов-революционеров опереться на Красную армию, как вооруженную силу, съезд высказывается за безусловную необходимость заполнить ряды Красной армии лучшими силами, дабы не сделать ее слепым орудием политических партий и — что еще хуже — ее некоторых, бонапартистски настроенных представителей, находящихся на ответственных постах в армии“.

Далее т. Солькин в своем докладе по вопросам укрепления Красной армии выдвинул следующие, принятые съездом предложения:

а) всеобщая мобилизация для увеличения армии необходимым резервом для смены устающих частей на фронте;

б) приспособление производства и всей хозяйственной деятельности к самой энергичной защите социалистического отечества;

в) введение строжайшей военной дисциплины во все виды предприятий, связанных с обороной;

г) объединение всех живых сил страны, способных защищать революцию и советскую власть и могущих дать помощь делу обороны в том или ином виде;

д) до самой последней возможности централизовать через организацию советов обороны все, что касается обороны.

Доклад свой т. Солькин закончил лозунгом: „Все и всё на защиту социалистического отечества!“

Сдавленная со всех сторон кольцом фронтов, Туркестанская советская республика делала величайшие героические усилия по укреплению политической мощи Красной армии, по ее увеличению за счет лучшей классово-сознательной части трудовых масс, подчиняла всю экономическую жизнь страны задачам обороны.

Необходимо отметить, что незадолго до съезда, в конце ноября 1918 г., в Ташкенте состоялся 1-й фронтовой съезд Красной армии и Красной гвардии, который сыграл важную роль в деле поднятия дисциплины, укрепления единоначалия, в деле политического, организационного и хозяйственного укрепления Красной армии. Здесь, под руководством большевистской организации, был дан решительный бой всей той полуанархической мелкобуржуазной распушенности, проводниками которой являлись левые эсеры и которая тормозила дело строительства боеспособных крепких частей Красной армии.

Решения II съезда КП(б)Т вновь еще раз заострили внимание партии и рабочего класса на вопросах обороны страны, на вопросах, от правильного решения которых зависело дальнейшее существование Туркеспублики.

Наконец, здесь необходимо отметить ту работу, которую проводили в тот период на местах партийные организации по военизации своих рядов. Доклады с мест на съезде говорили о том, что в большинстве организаций ведется военное обучение, что ряд организаций имеет свои партийные дружины, которые несут охрану городов, заводов, предприятий и ведут борьбу с басмаческими шайками. В Фергане, где басмачество было довольно сильно, под ружьем, на военном положении были целые парторганизации в полном составе. Мобилизации членов партии на фронт во всех организациях происходили весьма часто. Причем прифронтовые организации нередко были мобилизованы почти полностью. На местах оставалась незначительная часть членов. Члены партии из местного населения шли на фронт на одинаковых основаниях с остальными членами организации.

Здесь же нужно указать, что чрезвычайно большая работа в это время проводилась парторганизациями иностранных коммунистов, состоявшими из бывших военнопленных империалистической войны. Коммунистические организации иностранных рабочих дали фронту сотни лучших своих, хорошо в военном отношении подготовленных, политически крепких членов партии и провели огромную работу по созданию из бывших военнопленных крепких интернациональных частей Красной армии, сыгравших громадную роль в укреплении туркестанских фронтов.

Так в труднейших условиях этого периода большевики Туркестана—отряд ВКП(б) на Востоке—сумели создать боеспособную, крепкую Красную армию, вовлекая в ее ряды и местные трудящиеся классы, и бывших военнопленных—революционных рабочих и крестьян стран Западной Европы,—сумели повести ее на борьбу на многочисленных фронтах и победить. История гражданской войны в Туркестане—одна из славных героических страниц борьбы рабочего класса в союзе с декханством за власть советов, за социализм.

е) Съезд о левых эсерах

В отличие от I съезда КП(б)Т, где вопросы взаимоотношений партии с левыми эсерами актуально не стояли, на II съезде эти вопросы подверглись подробному и широкому обсуждению как в докладах с мест, так и при разборе вопроса об отношении к другим партиям. Туркестанские левые эсеры, как и эсеры российские, из партии, на некоторый период сотрудничавшей с большевиками, по мере все большего обострения и углубления классовой борьбы в стране, по мере увеличения трудностей,—все больше и больше начинали отходить от сотрудничества с большевиками и скатываться в открытую контрреволюцию. Так в вопросе о Брестском мире, комбедах, убийстве Мирбаха туркестанские левые эсеры отмалчивались, нигде не отмежевываясь от действий своего ЦК. Характерно, что об этом отмежевании от деятельности ЦК левых эсеров они заявили уже после полного банкротства их в массах—

в феврале — марте 1919 г., когда они поставили вопрос о приеме их в партию большевиков или, как они говорили, о „слиянии“ с большевиками и создании „рабоче-крестьянской коммунистической партии“.

На VI краевом с'езде советов левые эсеры, не сумев провести своей линии ни по одному вопросу, от вхождения в состав ЦИК'а отказались, развернув тотчас же после с'езда работу по дискредитированию этого с'езда, — встали на позиции открытого подрыва соввласти. В этот период между Тоболиным — главой группы „старых коммунистов“ — и левыми эсерами велись переговоры о совместном свержении большевиков и захвате в свои руки власти. А в декабре 1918 г. в Беловодске (Семиречье) происходит под руководством левых эсеров восстание против советской власти. Как видно из докладов с мест, борьба с левыми эсерами в конце 1918 г. обострилась не только в центре, но и всюду на местах. К этому времени за свою антисоветскую деятельность в большинстве советов местные левые эсеры были уже удалены. Вокруг партии левых эсеров везде и всюду начинала группироваться внутренняя контрреволюция — белое офицерство, старое чиновничество, кулачество, байство.

Утеряв позиции в советах, левые эсеры берут ставку на захват в свои руки руководящих должностей в Красной армии. Резолюцию с'езда, констатирующую „стремление левых эсеров опереться на Красную армию как вооруженную силу“, мы уже выше приво-дили.

Усиление антисоветской деятельности левых эсеров привело к отходу от них лучшей части, в первую голову, рабочих и перехода их в компартию. А кое-где, как, например, в октябре 1918 г. левые эсеры в Верном внесли постановление о слиянии с большевиками. Учитывая это, ЦК КПТ особым циркуляром дал местам указания о недопустимости таких слияний и порядке приема в партию членов лево-эсеровских организаций только индивидуально.

Вот причины того, что вопрос о левых эсерах на II партс'езде подвергался широкому обсуждению. Свою дальнейшую линию поведения в отношении их с'езд формулировал следующим образом: „Что касается советской партии левых эсеров, то, констатируя, что она до сих пор является попутчиком коммунистической партии, приходится сейчас с тревогой отметить, что она переживает трагедию своей „бабушки“ — Всероссийской партии социалистов революционеров (не левых), — которая пополнялась и увеличивалась до тех пор, пока не обратилась в организацию контрреволюционную. Учитывая такое положение вещей, с'езд высказывается за самую широкую идейную борьбу против тех элементов, которые спекулируют на... левых социалистов, объединяют вокруг себя всех относящихся недоброжелательно к большевизму, а следовательно, и к идее советской власти. Учитывая неустойчивость тактики партии социалистов революционеров (левых), а равно их безответственную позицию, которой они придерживаются, уйдя из правительства, партийный

с'езд высказывается за ограничительный доступ левых эсеров на ответственные исполнительные посты в советах“.

Основная причина того, почему с'езд от „ограничительного“ участия эсеров в советах не отказался, состоит в том, что, во-первых, еще был значителен удельный вес эсеров в Красной армии, а во-вторых, в эсеровских организациях даже таких рабочих центров, как Ташкент, было значительное количество рабочих.

Своим постановлением о том, что левые эсеры стремятся опереться на армию, сделать ее своим слепым орудием в руках бонапартистски настроенных представителей, с'езд предугадал роль этой партии в будущих событиях — январском белогвардейском восстании в Ташкенте через месяц после с'езда (в январе 1919 г.).

IV. Заключение

Основная заслуга I с'езда КП(б)Т состояла в том, что он организационно оформил разрозненные молодые коммунистические организации Туркестана в единую централизованную организацию, поставив во главе ее руководящий орган — I-й краевой комитет. II с'езд КП(б)Т сделал следующий значительный шаг вперед по пути укрепления парторганизации, усиления партийной дисциплины, постановки воспитательной, агитпропагандистской работы как в рядах партии, так и в широких массах, усиления работы партии в профсоюзах и Красной армии. С'езд разоблачил антипартийную, великодержавно-колониаторскую группировку „старых коммунистов“; наряду с этим вся работа с'езда прошла под углом зрения укрепления обороноспособности Туркеспублики. С'езд мобилизовал партию, рабочий класс и широкие трудящиеся массы местных национальностей на энергичное преодоление внутренних затруднений и на более решительную борьбу на всех внешних фронтах гражданской борьбы. На II с'езде впервые принимают широкое участие члены партии из местных национальностей. II с'езд показал, что партийные организации Туркеспублики не на словах, а на деле становятся организациями, объединяющими в себе лучшую передовую часть пролетарских и бедняцких масс коренных национальностей.

Но в национальном вопросе у части партийной организации Туркестана и после II с'езда имели место ошибки великодержавно-шовинистического порядка, ошибки, на которые ЦК РКП(б), тт. Ленин и Сталин неоднократно указывали в своих директивах туркестанской парторганизации и которые удалось ликвидировать только после соединения в 1920 г. Туркестана с Советской Россией, после ликвидации кольца фронтов и присылки в Туркестан для руководства партийной и советской работой специальной комиссии во главе с т. Элиавой.

Наряду с великодержавным шовинизмом — этой главной опасностью — партии уже с 1918 г. пришлось вести борьбу и с местным национализмом: клевлеевщина, рыскуловщина — вот те националистические уклоны периода 1919 — 1920 гг., которые пытались

ослабить в крае диктатуру пролетариата, изолировать трудящиеся массы местных национальностей от пролетарского руководства и отдать их вновь в подчинение ранее господствовавшим классам. И методы клевелевской агитации от корана („соединение“ марксизма-ленинизма с учением Магомета), и ставка на создание особой тюркской компартии, особого единого тюркского языка, на слияние всех национальностей Туркестана в единую тюркскую, все эти уклоны, нередко маскируемые „левой“ фразой, были одного и того же порядка — проявлением в национальной части партии влияния пантюркизма. Но благодаря установившемуся после соединения Туркестана с центральной Россией регулярному руководству туркестанской парторганизацией со стороны ЦК РКП(б), благодаря присылке в Туркестан крепких выдержанных партийных работников, окрепшие парторганизации сумели повести борьбу как против великодержавного-шовинизма — главной опасности на том этапе, так и против местного национализма, как против правого, так и против „левого“ уклонов, смогли закрепить и расширить созданный в огне гражданской борьбы союз российского пролетариата с бедняцко-среднеазиатскими массами местных национальностей для борьбы за строительство социализма в бывшей отсталой колонии.

Победоносное завершение советами гражданской войны, рост самосознания трудящихся масс местных национальностей, приобретаемый ими опыт социалистического строительства, успешное восстановление разрушенной империалистической войной народного хозяйства — все это создавало в Туркесреспублике такие условия, которые обеспечивали для трудящихся масс Туркестана возможность поднятия на более высшую стадию советской автономии края — создать отдельные национальные социалистические советские республики, осуществить в 1924 г. государственно-национальное размежевание.

Эти же условия создали ту обстановку, при которой в продолжение 1925—1926 гг., в условиях диктатуры пролетариата Среднеазиатские социалистические советские республики смогли успешно завершить до конца незаконченную часть задач буржуазно-демократической революции — закончить в основном земельно-водную реформу.

Успешно заверченный Советским союзом восстановительный период и вступление в реконструктивный период строительства социализма создали такие условия, при которых СССР смог оказать братским Среднеазиатским республикам такую экономическую и политическую помощь в их социалистической стройке, при которой они сейчас быстрыми темпами догоняют в экономическом и культурном отношении передовые районы Советского союза, успешно ликвидируют фактическое неравенство, превращаясь во второй пятилетке из аграрно отсталых в индустриальные.

Всем известны те огромные никем не превзойденные в мире темпы, которыми идет социалистическое строительство в СССР.

Но еще более высокими, еще более разительными темпами за первую пятилетку шел рост промышленности и сельского хозяйства в Среднеазиатских национальных республиках. Вот некоторые основные показатели этих успехов по Среднеазиатским республикам: в 1914 г. вся промышленная продукция Туркестана оценивалась в 219 млн. рублей, а в конце 1932 г. — в конце первой пятилетки — более 800 млн. рублей, т. е. возросла в 4 раза. Капиталовложения в промышленность Среднеазиатских республик в 1928 г. выражались в сумме 30 200 тыс. руб., а в 1932 г. — в 180 900 тыс. руб., т. е. увеличение в 6 раз. Общая сумма капиталовложений по Средней Азии за первую пятилетку выразилась в 26 миллиардов рублей. Мощности электростанций с 1919 г. к концу первой пятилетки увеличилась в $14\frac{1}{2}$ раз. Число рабочих в Средней Азии с 20—30 тыс. до 1917 г. сейчас дошло до цифры почти в 300 тысяч человек, причем 169 тыс. из них ($57,3\frac{0}{10}$) — из местных национальностей. К началу второй пятилетки республики Средней Азии покрылись сетью крупных и крупнейших индустриальных предприятий. Достаточно указать на такие, как Вахшстрой, Чирчикстрой, Ташкентский текстильный комбинат — гигант, рассчитанный на выпуск в год 73 млн. метров тканей, крупный завод сельскохозяйственного машиностроения, металлообрабатывающий завод Ильича, серный завод в Кара-Кумах, миробитовая промышленность Кара-Бугаза, ряд текстильных фабрик в Фергане и многие другие, менее крупные.

В разделении труда между районами Союза Среднеазиатские республики взяли на себя задачу освободить Советский союз от иностранной хлопковой зависимости. Площадь под хлопком возросла с 643,6 тыс. га в 1914 г. до 1 332 тыс. га в 1932 г. В 1932 г. Средняя Азия дала уже 311 тыс. тонн хлопка. В ирригацию вложено за первую пятилетку 358 млн. рублей. Быстро идет насыщение края сельскохозяйственными машинами. Имеется 136 МТС и 79 совхозов. В одной только системе Наркомзема в 1932 г. числились 12 418 тракторов и 2 600 хлопковых комбайнов. Быстро шагает вперед коллективизация. В 1928 г. процент коллективизации равнялся 2, а в 1932 г. — 65 (в хлопковых районах — около $80\frac{0}{10}$).

Весьма показателен рост бюджетов. За первую пятилетку бюджет возрос: по Узбекистану в 5 раз, Туркмении — $5\frac{1}{2}$, Таджикистану — $9\frac{1}{2}$, в то время как бюджет по РСФСР в то же время вырос только в $1\frac{1}{2}$ раза.

Не менее разительные цифры мы имеем и в области народного образования. До 1917 г. грамотность среди среднеазиатских народностей не превышала у наименее отсталых из них (Ферганская обл.) $1\frac{1}{2}\frac{0}{10}$, а теперь в 1930 г. грамотных в Узбекистане и Туркмении — $62\frac{0}{10}$, Киргизии — $52\frac{0}{10}$, Таджикистане — $25\frac{0}{10}$, Кара-Колпакии $24\frac{0}{10}$.

До революции в Средней Азии не было ни одного вуза, а сейчас на территории одного Узбекистана их 22. Цифры огромных

достижений можно было бы здесь увеличить во много раз охватив вопросы коренизации аппарата, широкое вовлечение в производство женщин, достижения в области театра, языка, литературы, музыки, книжной продукции и т. д., но и приведенные здесь данные говорят достаточно красочно и ярко.

Громадное, не только всесоюзное, но и всемирно-историческое значение опыта социалистического строительства Среднеазиатских республик — этих советских форпостов на Востоке — все более возрастает. Республики Средней Азии — яркий живой пример того пути, по которому неизбежно должны пойти колониальные, угнетенные империализмом народы мира. Все эти поистине гигантские успехи стали возможны, только благодаря великой Октябрьской революции, проведенной под испытанным руководством ленинской большевистской партии, и благодаря правильной ленинской национальной политике, приведшей к прочному союзу российского пролетариата с трудовыми массами Среднеазиатских республик.
